

УДК 93/94

КУПЕЧЕСКОЕ СОСЛОВИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ XVIII – НАЧАЛА XX в.

© 2018 Н.В. Обнорская

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Статья поступила в редакцию 02.10.2018

Статья посвящена анализу купечества XVIII - начала XX в. как потенциального игрока на политической арене дореволюционной России. Задумывавшееся как многоуровневая стройная единая система купечество не было однородным изначально. Отсутствовали единое мировоззрение и идеология. Подобная ситуация была характерна вплоть до начала XX века, когда купечество влилось в формирующуюся буржуазию и составило ее костяк. Сохранявшаяся разнородность и многоукладность российского купечества не позволили ему выступить на политической арене единым фронтом, отстаивая свои общие интересы, наличие которых отнюдь не осознавалось еще большей частью российского купечества.

Ключевые слова: купечество, буржуазия, идеология, аполитичность.

С развитием капитализма предпринимательские круги, ощущающие свою возрастающую роль в жизни общества, начинают пытаться оказывать влияние и на политическую сферу. Причиной этого является то, что включение в политическую жизнь позволяет принимать жизненно важные для экономики решения, в которых кровно заинтересованы эти самые предпринимательские круги. Они стараются стать не только экономической, но и политической элитой. Если предпринимательские слои достаточно сплочены, имеют более или менее единую идеологию и ставят перед собой относительно единую цель, то их влияние на политическую ситуацию в обществе резко возрастает вплоть до захвата власти. Но было ли это характерно для всех государств?

Что происходило в России в вопросе осознания предпринимательскими кругами своего политического значения? И как складывалась та российская буржуазия, которая, по мнению марксистов, должна была встать во главе революции, целью которой было смести отживший феодальный строй? И почему у нее это не получилось?

Вплоть до 1917 года российское общество законодательно делилось на сословия. Предпринимательством, по мысли законодателей, в первую очередь должно было заниматься купечество. На протяжении XVIII века эта страта общества была сформирована примерно в том виде, в каком просуществовала до начала XX века. Но относительное единство и однородность купеческого сословия существовали только в законодательных актах. В реальности видевшееся законодателям как многоуровневая

стройная единая система купечество однородным не было¹.

Перенесенные, пусть и «подправленные» в духе времени, европейские сословные рамки, к моменту переноса устаревшие не только для Европы, но и для России, буквально сразу начали размываться, способствуя внутреннему распаду сословного строя. Однако купечество не «разлагалось», а относительно консолидированно влилось в формирующуюся буржуазию. Поэтому основные особенности купечества сильно повлияли на нарождавшуюся буржуазию, во многом определив ее облик.

Со времени своего законодательного оформления купечество распалось на богатую верхушку, тяготившую по своим привычкам, образу жизни, даже отчасти менталитету, к дворянству и основную массу, близкую по этим параметрам к мещанству. И хотя персональный состав купечества менялся, но раскол по имущественному принципу только углублялся, став наиболее ярким в начале XX в.

Раскол в предпринимательских кругах в начале XX в. хорошо осознавался современниками. Так, в 1912 году В.И. Ленин писал, что «в современной России есть две буржуазии. Одна, это очень узкий слой зрелых и перезрелых капиталистов», под которыми подразумевалась крупная буржуазия, делившая политические привилегии с «крепостниками-помещиками» и находившаяся с ними в союзе. Другая буржуазия – «очень широкий слой совсем незрелых, но энергично стремящихся созреть мелких и частью средних хозяев»².

Представитель богатой купеческой семьи В. Рябушинский, уже в эмиграции осмысливавший причины революции и беспомощность буржуазии перед ее лицом, писал, что кроме того, что большая часть интеллигенции примкнула к революционерам, «к этому присоеди-

*Обнорская Нина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной средневековой и новой истории.
E-mail: obnor1@mail.ru*

нился еще раскол в группе хозяев, и народная стихия сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее стала уходить из-под влияния их идеологии. Смысл раскола заключался в том, что верхи хозяйского класса духовно оторвались от его низов и, перестав ими идейно руководить, отдали хозяйчиков во власть чуждым и враждебным влияниям»³.

Этот раскол проявлялся во всех сферах жизни купечества – в семейных связях, быту, образовательном уровне и т.д. В Рябушинский писал, что «увеличивавшееся значение в государстве крупной промышленности и торговли стало приближать больших хозяев к правящему классу дворян и чиновников, а маленькие хозяева даже у себя на местах по-прежнему испытывали самое пренебрежительное к себе отношение со стороны не только представителей власти, но и интеллигенции, которая начинала играть большую роль в России»⁴.

Этот изначальный раскол в купеческой среде, унаследованный буржуазией, был обусловлен всем ходом модернизационных процессов в российском обществе. Ускоренные, часто искусственно, темпы модернизации «увлекли» за собой в первую очередь верхушку купеческого общества, не дав сначала консолидироваться предпринимательским кругам на основе общей идеи, которая могла бы появиться только на ранних этапах развития предпринимательского слоя (в период его относительного единства, как это было в Западной Европе), не позволили выработаться единому мировоззрению. Модернизация сознания представителей высших слоев отечественного бизнеса, в том числе благодаря возрастающему уровню образования, сочеталась с сохранявшейся традиционностью, а в ряде случаев и архаичностью сознания основной массы как купечества, так и подпитывавшего его своими представителями крестьянства. Таким образом, среди предпринимательских кругов России общая идея, которая смогла бы сплотить вокруг себя все самостоятельное городское и отчасти сельское население и, возможно, стать альтернативой идее самодержавия, не была найдена.

В нашей стране такой идеей не могла стать религия, так как религиозный раскол XVII в. развел все слои русского общества на два лагеря. И если в некоторых регионах старообрядчество стало идеологией, объединяющей значимые слои местного общества (например, в Москве), то в других значение старообрядцев в экономической, а также общественной жизни было минимальным⁵.

При этом православие в любой форме с его неприятием частного богатства, особенно за счет других, на подсознательном уровне заставляло купцов как бы стыдиться этого богатства. Подобное способствовало широчайшей благо-

творительности, но не давало сформироваться культу обогащения, который смог бы сплотить предпринимательские слои, в том числе и на политическом поприще.

Многоукладность российской экономики стала причиной, если можно так выразиться, «многоукладности буржуазии». Это выражалось в существовании одновременно в составе купечества (и буржуазии) как представителей «времени первоначального накопления капитала», и даже «докапиталистической формации», так и бизнесменов уже начинавшего тогда появляться в качестве неких элементов постиндустриального общества с присущими ему акционированием производства, размытостью отношений собственности, выключением основных держателей акций из сферы управления производством и т.д. Они, подчас будучи записанными в одно сословие, по сути жили «в разных временных измерениях» и не могли, конечно, иметь общих социально-психологических характеристик, ценностной ориентации и общего «кодекса» поведения, необходимых для складывания единой политической элиты.

Кроме различий внутри буржуазии по имущественному признаку и по принадлежности их бизнеса к «различным стадиям развития капитализма», существовал антагонизм и, если можно так выразиться, по профессионально-географическому принципу, чему способствовала огромность страны и различия условий и нужд предпринимательской деятельности на разных территориях.

Хлеботорговцы и судовщики Поволжья, а с ними во многом и другие «провинциалы», недолюбливали текстильщиков-москвичей, а последние косо смотрели на С.-Петербург с его засильем чиновников, акционерных обществ, банков и иностранцев. Петербуржцы же отвечали взаимностью.

Например, когда в начале XX в. встал вопрос о привлечении в Государственный Совет представителей торговли и промышленности, саратовское купеческое общество высказало недовольство тем, что Москва, «при всем однообразии условий и интересов центрального промышленного района, получила целых три представителя, а вся Сибирь, весь Черноморский район, весь громадный хлебо-торговый, мукомольный, рыбопромышленный район среднего и нижнего Поволжья и вся Русская пароходо- и судопромышленность лишены всякого представительства». Ярославское купеческое общество (хотя формально и входило в «центральный промышленный район») полностью поддержало саратовцев в их желании ввести в Совет провинциалов и недоверии к москвичам. Это недоверие предполагает примат узкопрофессиональных и территориальных интересов

над общероссийскими (причем как у провинциалов, так и москвичей)⁶.

Не было единства и между столицами. В Рябушинский вспоминал, что московских «бар» и купцов, не очень-то ладивших друг с другом, сближало лишь одно, «в одном было единодушие – в отношении к Петербургу. Московские бары смотрели сверху вниз на петербургских, и таково же было отношение московского к петербургскому купечеству»⁷.

При этом надо отметить, что какого-то особенного антагонизма между «исконным купечеством» и «предпринимателями нового типа», в основном связанными с Петербургом, имеющими не купеческие корни, в среде которых было непропорционально много лиц нерусского происхождения, не прослеживается. Так что утверждения ряда историков, что конфликт между этими двумя группами деловой элиты России мешал буржуазии консолидироваться как классу, неточны⁸.

Об удачном альянсе «исконных купцов» и «предпринимателей» говорит, например, судьба крупнейших представителей купечества Ярославской губернии: ярославцев Пастуховых и рыбинцев Журавлевых.

В начале XX в. металлургические заводы Пастуховых в Донской области и в Вятской губернии были акционированы при помощи банков. Последние в правлениях предприятий оказались представлены крупными финансовыми деятелями, относящимися к «предпринимателям нового типа», Е.И. Скарамангой, Б.А. Каменкой и А.Я. Фельдманом. А представители Пастуховых вошли в правления банков⁹.

Связи Журавлевых с крупными финансистами страны (Гинцбургам) завязались еще в XIX в. и продолжались вплоть до начала XX века (например, по деятельности в компании цепного пароходства на р.Шексне¹⁰, а также представительство Журавлева от лица Гинцбургов при учреждении Общества железодельных и механических заводов «Сормово»¹¹).

И Пастуховы, и Журавлевы – представители старинных купеческих родов, известных как минимум с XVIII в. – вполне приспособились к новым темпам и условиям жизни России начала XX в., органично влились в новую деловую элиту общества в ее «санкт-петербургской модификации».

Еще один аспект, способствовавший аполитичности и политической слабости купечества в частности и буржуазии в целом, – отношение к самодержавию.

В Западной Европе буржуазная идеология сложилась на рубеже средних веков и нового времени на основе идеологии бюргерства, в цеховых и торговых корпорациях. Это было время аристократии и дворянства, интересы которых поддерживала абсолютистская монархия. Для

утверждения новых буржуазных порядков необходимо было прорвать сдерживающую их рост костную идеологическую административную надстройку (в том числе путем буржуазных революций).

В России же из-за ее более позднего вступления на путь модернизации именно монархия была проводником нового. Ускоренный, форсированный процесс обновления привел к тому, что не все сферы общественной жизни одинаково быстро подверглись модернизации. И если экономика в XIX – начале XX в. сделала огромный шаг вперед, то политика и мировоззрение несколько отстали. Это обусловило то, что российское купечество, а потом и буржуазия как в начале, так и в конце XIX в. были достаточно аполитичны. Бурное экономическое развитие, особенно второй половины XIX в., «отвлекало» представителей предпринимательства от политических вопросов, они всецело были захвачены своим «делом» и появившимися новыми возможностями в экономике (акции, железнодорожное строительство, развитие банковской системы, др.). «Единственное, что требовалось им сверх барыша, были не политические реформы, а только лишь административно-законодательные меры, способствующие развитию капитализма в стране. Поэтому российская буржуазия безболезненно уступила пальму первенства в борьбе за политические реформы дворянам-либералам и революционной интеллигенции»¹².

До тех пор, пока государство не мешало развитию экономики и предпринимательства в России, нарождавшаяся буржуазия не претендовала на государственную власть, ограничиваясь давлением на правительство по сиюминутным узко корпоративным вопросам (о рабочих, о тарифах, др.).

Но в начале XX в. государственное устройство России перестало удовлетворять не только демократически настроенную интеллигенцию, но и часть представителей купечества (в основном получивших хорошее образование и часто значившихся в родном сословии только на бумаге). Их можно встретить среди членов центристских и даже левых политических партий. Среди же части купечества, тяготевшей к патриархальным традициям, встречались приверженцы правой идеологии. Однако таких активистов было немного. Большинство купцов не афишировали свои политические пристрастия.

Таким образом, купечество, а вслед за ним и буржуазия так и не смогли стать политической элитой общества, что было обусловлено следующими причинами:

- отсутствием единой идеологии и системы ценностей;
- существованием отчуждения и даже антагонизма между различными слоями купе-

чества, обусловленными «многоукладностью» купечества;

– существованием разделения купечества по географически-профессиональному признаку с приоритетностью местных интересов над общероссийскими;

– аполитичностью большей части купечества и отсутствием политического единства у активистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Нифонтов А.С.* Формирование классов буржуазного общества в Русском городе второй половины XIX в. (По материалам переписей населения г.Москвы в 70-90-х годах XIX в.) // Исторические записки. Т.54. М., 1955. С.239-250.

² *Ленин В.И.* Либерализм и демократия // *Ленин В.И.* Собрание сочинений. М., 1948. Т.17. С.513-514.

³ *Рябушинский В.* Старообрядчество и русское религиозное чувство; Русский хозяин; Статьи об иконе. Москва; Иерусалим: Мосты, 1994. С.127.

⁴ Там же. С.129.

⁵ Смотрите, например, следующие работы: *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М.: Рус. кн., Б. г. (1997). С.10; *Семенова А.В.* Менталитет купечества в период становления российского предпринимательства // Отечественная история. 1998. №6. С.23.

⁶ Государственный архив Ярославской области. Ф.509.

Оп.1. Д.1172.

⁷ *Рябушинский В.* Указ. соч. С.144-145.

⁸ *Rieber F.I.* Merchants & entrepreneurs in imperial Russia. University of North Carolina Press., 1982. С.334-336; *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М: Росспэн, 1997. С.15.

⁹ *Барышников М.Н.* Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб.: Искусство-СПБ: Logos, 1998. С.20, 67, 185, 312; *Бовыкин В.И.* Формирование финансового капитала в России конец XIX в. - 1908 г. Москва: Наука, 1984. С.208, 211, 267-268; Монополии в металлургической промышленности России. 1900-1917: Документы и материалы. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР [Ленингр. отделение], 1963. С.28, 129, 336, 581, 602, др.; Российский государственный исторический архив. Ф.84. А/О Северных заводов наследников Н.П. Пастухова. Оп.1. Предисловие н/с Цыганкова.

¹⁰ *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России, 1860-1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1991. С.40; *Барышников М.Н.* Указ. соч. С.120-121; Весь Петербург на 1912 год: адресная и справочная книга г.С.-Петербурга. б/м.: Изд-во А.С. Суворина, 1912. III отд. С.1482.

¹¹ *Бовыкин В.И.* Зарождение финансового капитала в России. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1967. С.211.

¹² Российская историческая политология: Курс лекций: Учеб. пособие для вузов / И.В. Ватин, Ю.Г. Волков, В.В. Гаташов. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С.416.

THE MERCHANT ESTATE IN POLITICAL LIFE OF RUSSIA IN THE XVIII – EARLY XX CENTURY

© 2018 N.V. Obnorskaya

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov

The article is devoted to the analysis of merchants of the 18th – the early 20th centuries as potential actors in the political arena of pre-revolutionary Russia. Designed as a multi-level, coherent, unified system, the merchant estate was not initially homogeneous. It had not got any common worldview and ideology. Such a situation persisted until the early twentieth century, when the merchants joined the emerging bourgeoisie and formed its backbone. The remaining heterogeneity and diversity of the Russian merchantry had not allowed them to act at the political arena as the united front defending their common interests, which existence was not realized by the majority of Russian merchants.

Keywords: merchant class, bourgeoisie, ideology, political apathy.

Nina Obnorskaya, Candidate of History, Associate Professor, Department of Russian Mediaeval and Modern History. E-mail: obnor1@mail.ru